

УДК 94(367):75.056

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/4

КАРПАТО-ДУНАЙСКИЕ ЗЕМЛИ И ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ИСКУССТВЕ РУКОПИСНОЙ КНИГИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ф.Н. Веселов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7/9
E-mail: veselovfedor@gmail.com

Авторское резюме

Рассматриваются связи русского средневекового книжного искусства с искусством южнославянским, проникавшим на Русь из Болгарии, Сербии, Македонии через Валахию и Молдавию. Несмотря на влияние южнославянской литературы еще на заре русской книжности, в связи с принятием христианства, на отдельные эпизоды до монгольского завоевания, основной акцент делается на периоде, который начинается с конца XIV в. и связан с завоеванием османами территорий Византийской империи и Балканского полуострова, которое привело к эмиграции части представителей интеллектуальной и художественной элиты южных славян на север – в Молдавию, Валахию, Южную и Северную Русь. И не только творчество самих книжников и иконописцев, но и принесенные ими произведения активно воздействовали и на культуру книжного оформления, и на развитие новых жанров литературы вплоть до начала XVII в.

Ключевые слова: древнерусское искусство, южнославянское искусство, искусство рукописной книги.

CARPATHIAN AND DANUBE LANDS AND SOUTHERN SLAVS' INFLUENCE ON THE ART OF HANDWRITTEN BOOKS IN OLD RUSSIA

F.N. Veselov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: veselovfedor@gmail.com

Abstract

This article dedicated to the connections between Russian medieval art of bookmaking with the art of Southern Slavs, which infiltrated in Russia, coming from Serbia, Bulgaria, Macedonia, through Walachia and Moldavia. In spite of influence of Southern Slavs' literature even in the times of the Conversion of Russia, or some episodes before the Mongolian invasion, the author strikes on the period, taken place from the end of the 14th century. In this period Ottomans' conquest of the territories of the Byzantine Empire and Balkans led to the emigration of some part of intellectual and artistic elite to the north – to Moldavia, Walachia, Southern and Northern Russia. The author mentions that not only oeuvres of those scribes and artists, but even creations, they took with themselves, were affecting actively on the one hand on the culture of books' writing and illustrating, and on the other hand on the development of different literary genres.

Keywords: old Russian art, Southern Slavs' art, art of the handwritten books.

Без сомнения, художественные формы и художественный язык Византии оказали основное влияние на средневековое русское искусство и, в частности, искусство книжное (Попова 1972: 284–285). Если в период древнейшей истории русского государства передача форм искусства ромеев была связана с принятием Киевским княжеством восточного христианства византийского толка, влиянием на русские земли империи, находившейся в зените могущества, то в период XIV–XV вв., время усиления оправившейся от татарского нашествия Руси, влияние византийского искусства наоборот было связано с упадком империи. Во второй половине XIV в. в связи с бесконечными войнами, внутренними религиозными распрями, экономическими проблемами в Византии заметно сокращается объем затрат на церковное строительство, однако число мастеров по-прежнему

остается велико, что вызывает экспансию искусства за границу – в Западную Европу, на Балканы, Русь, где греческие мастера издавна пользовались авторитетом.

Однако, кроме непосредственно греческого, мы сталкиваемся и с южнославянским влиянием в русском искусстве. При этом данное влияние не является случаем единичным – оно традиционно, однако в различные периоды было связано с разными регионами Руси. Так, еще в XIII в. в живописи Южной Руси, кроме отмечаемых часто связей с миром европейского искусства того времени – искусства Германии, мира крестоносцев, позднероманского искусства, прослеживается влияние как западных (Польши), так и южных славян (Македонии, Болгарии) (Попова 1972: 287–291). Показательны в этом смысле миниатюры и орнаментика Евангелия-апракос Евфросинии Галицкой, созданного в Галицко-Волинской земле предположительно в начале XIII в. (Майоров 2011: 432–433), в которых соединяются византийские, македонские, южнославянские черты, при этом два последних влияния в большей степени относятся к монументальной живописи Балкан XII в. (Попова 1972: 305–306).

Печальные события на Балканах конца XIV ст. – период османского завоевания – нашли свое отражение и в книжном искусстве южных славян. С одной стороны, борьба православных государств с общим врагом вела к определенному культурному единению на основе византийской христианской цивилизации, славянско-византийскому культурному единству, оформившемуся в период XIV в. (Дуйчев 1998: 143). С другой стороны, благодаря бежавшим от азиатских захватчиков в конце XIV – XV вв. книжникам, переписчикам и художникам-миниатюристам южнославянское влияние в литературе и изобразительном искусстве распространялось на север, за Дунай, через Молдавию и Валахию, на Русь (Шульгина 1974: 240–241).

В Сербии, Молдавии, Валахии, а также Южной Руси византийско-болгарское книжное влияние было связано с представителем известного византийско-болгарского рода Цамблаков книжником, писателем, учеником Феодосия Тырновского, видным деятелем православной церкви Григорием Цамблаком. После захвата турками Тырново в 1393 г. Григорию пришлось скитаться в поисках убежища сначала в Сербии, где он был избран настоятелем Дечанского монастыря между 1402 и 1405 гг. Здесь он занимался литературным творчеством. Григорием было создано житие св. Стефана III Сербского, добавка к житию св. Параскевы Пятницы, посвященная перенесению ее мощей, панегирики митрополиту Киприану и Феодосию Тырновскому. Впоследствии Григорию пришлось попросить убежища сначала

в Валахии, затем в Молдавии, в конце концов, в Южной Руси, где он и умер в Киеве (Дуйчев 1998: 144–145). Будучи прекрасно образован в Болгарии, византийских монастырях и Константинополе, он смог привнести в южнославянскую и южнорусскую книжность влияние как болгарской литературы до османского завоевания, так и византийского книжного искусства.

Непосредственно на территории Северной и Северо-Восточной Руси южнославянское влияние связано с утверждением на митрополичьей кафедре сначала Киевской и Литовской, а затем Киевский и всея Руси Киприана, сверстника константинопольского патриарха Евфимия, ученика преподобного Феодосия Тырновского. Киприану, согласно утверждению И. Дуйчева, также происходившему из рода Цамблаков¹, как и Григорию, пришлось долго странствовать, спасаясь от турецкого завоевания родной страны. Впрочем, благодаря сначала его обучению, а затем долгому пребыванию во время странствий и в Константинополе, и около десяти лет на святой горе Афон, частым поездкам в Студийский монастырь до назначения на Киевскую кафедру, он стал наиболее заметным проводником современного ему византийского и болгарского книжного искусства на Руси конца XIV – начала XV в. Киприан сам, уединяясь для «книжного писания» (Татищев 1784: 424) в подмосковном митрополичьем селе Троицкое-Голенищево, активно занимался перепиской книг и распространением списков с этих рукописей, кроме того, там же под руководством митрополита переписывала книги целая артель писцов (Вздорнов 1980: 64).

Несколько ранее, в 1380-е гг., – сложный период для Русской митрополии, во время вынужденной поездки Киприана в Константинополь вместе с посольством для разбора дела митрополита Пимена его сопровождает игумен Серпуховского Высоцкого монастыря Афанасий. И поселяются они в Студийском монастыре – месте, известном своей библиотекой, где Киприан занимается книжной деятельностью по переводу византийских творений на славянский язык. Значимым представляется то, что после этой поездки в Высоцком монастыре появляется знаменитый деисусный чин, выполненный по заказу Афанасия (Пуцко 2014: 240). Кроме икон, настоятель, будучи учеником идейного вдохновителя русского духовного возрождения – преподобного Сергия, отправил на Русь² и сборник поучений и житий святых православной церкви, переписанных специально для библиотеки Высоцкого монастыря (Прохоров 1988: 80).

Кроме того, и сам митрополит привез с собой на Русь переведенные им святоотеческие произведения. В частности, известен экземпляр

«Лествицы» Иоанна Синайского, принадлежавший Киприану. Эта рукопись может служить замечательным примером распространения южнославянского влияния не только в Москве. Г.И. Вздорнов отмечает бумажную копию с нее, созданную в Твери в 1402 г., для чего оригинал туда специально привозился. Несмотря на то, что отсутствует полное совпадение декоративных элементов, заставки, инициалы, изображение лествицы списка исполнены в характерном «балканском» стиле оригинала. И это лишь единичный пример среди остальных книжных произведений Твери первых двух десятилетий XV в., так или иначе воспринявших южнославянский стиль (Вздорнов 1980: 59).

Связана была деятельность митрополита Киприана и с русским летописанием конца XIV в. – его стараниями, а после его смерти стараниями архимандрита Кремлевского Спасского монастыря Игнатия была составлена «Летопись русская от начала земли Русския вся по ряду» (Татищев 1784: 424). А именно Спасский монастырь в первый век своего существования (основан он был в 1330 г. при великом князе Иоанне Калите) играл особую роль в истории русского летописания, недаром первый архимандрит его – Иоанн – был «сказателем книгам» (Тихомиров 1957: 187–188).

За полвека до прибытия на Московскую кафедру митрополита Киприана, в 1344–1345 гг., в Болгарии для сына царя Иоанна-Александра царевича Иоанна-Асения создается иллюстрированный список среднеболгарского перевода стихотворной «Хроники» Константина Манассии, византийского автора XII в. (Дуйчев 1973: 272). Несмотря на то, что, кроме данной рукописи, существуют еще два иллюминированных кодекса, содержащих полностью или частично текст «Хроники» Константина Манассии, из иллюстраций в них содержатся только входные миниатюры, изображающие автора и несколько незначительных маргинальных рисунков на полях – воин, лучник, собаки, загоняющие оленей (Spatharakis 1976: 158–165). Таким образом, хранящийся в Ватикане болгарский список – единственный полноценный лицевой экземпляр «Хроники». Списки перевода данного произведения, вполне вероятно, вывезенные из Болгарии, в частности из Тырново, бежавшими от осман книжными людьми, сыграли чрезвычайно важную роль в развитии исторического произведения в Молдавии, Румынии и на Руси (Лихачёв 1988: 5–6).

Тем большее значение приобретает тот факт, что именно список Ватиканского лицевого кодекса среднеболгарского перевода «Хроники» стал основой для «Русского хронографа» 1512 г. (Салмина 1979). Косвенно это подтверждается не только тщательной сверкой текстов списков кодекса и текстом «Русского хронографа», но и тем, что в Иосифо-Волоколамском монастыре, в котором предположи-

тельно создавался «Русский хронограф», согласно описям 1545 и 1573 гг. хранились по крайней мере два списка «Хроники Манассии» (Салмина 1988: 59). Кроме того, известно несколько иллюминированных рукописей того же монастыря периода XVI в., в заставках которых использовались черты южнославянских стилей (Шульгина 1974: 261–263). Они вполне могли быть навеяны хранившимися в монастырской библиотеке рукописями, связанными в Балканами.

В свою очередь «Русский хронограф» редакции 1512 г., основой которого стала «Хроника», послужил одним из источников части глобальной исторической энциклопедии своего времени – «Лицевого летописного свода» Ивана Грозного (Морозов 1990).

При этом особо стоит подчеркнуть, что большое влияние на русское историческое повествование оказала система образов и стиль «Хроники». Использованные русскими книжниками литературность, акцент на дидактику, который начинает брать верх над сухим изложением погодных фактов, приводят к тому, что и «Русский хронограф» 1512 г., и основанная частью на нем «Никоновская летопись» начала XVI в. превращаются в распространенное историческое и дидактическое повествование, теряя при этом свою традиционную структуру (Морозов 1990: 249). И в дальнейшем уже не столько обработанный текст, сколько именно стилистические приемы «Хроники» используются авторами повестей и историй XVI–XVII вв.

Необходимо также отметить, что период активных связей Руси с южнославянским книжным искусством XIV–XV вв. частью совпадает с влиянием византийских палеологовских художественных форм, проявившимся в произведениях русских мастеров начиная с ювелирных изделий (Стерлигова 2000: 170–171) и заканчивая книжной миниатюрой (Попова 1980: 20–24). В XIV в. этот процесс был связан с деятельностью митрополита Феогноста Московского, архиепископа Василия Новгородского, и с активным влиянием религиозной паламитской культуры исихазма, ярче всего проявившейся в подвижничестве св. Сергия Радонежского (Попова 1980: 20–24, 212–213). Несмотря на то, что данное влияние было кратким и не имело ни прямых продолжений, ни предшественников, его значение в истории русского искусства очень велико (Попова 1980: 20–24). Греческое влияние дало мощный импульс, который прослеживался в новгородском искусстве еще долгое время. Однако наравне с византийскими мастера данной школы XIV–XV вв. используют и южнорусские образцы (Попова 2003: 290–291). И позднее, уже в эпоху Ивана Грозного, именно через новгородское искусство, произведения которого во множестве вывозились в Москву в середине XVI в., при митрополите Макарии, вновь приобретает актуальность

художественно-иконографический опыт искусства Балкан. Вместе с тем новгородские памятники не только вывозятся, но и активно копируются в Москве, становятся образцами для миниатюр рукописей и икон (Попов 1973). Написанная предположительно митрополитом Афанасием икона «Благословенно воинство...» («Церковь воинствующая») имеет иконографию, сходную с иконографией «Выезда царя Константина во главе святого воинства за победу христианства» и встречающуюся в росписях церквей XV в. Святых Константина и Елены в Охриде в Македонии и Святого Креста в селе Пэтрэуци в Румынии. Надо сказать, что черты данной иконографии – войско святых либо ангелов с оружием, под стягами, на конях и под предводительством архангела Михаила – встречаются и на некоторых батальных иллюстрациях «Лицевого свода», посвященных победам русских святых князей: в «Сказании о Мамаевом побоище» (Второй Остермановский том. Л. 95)³ и в «Житии Александра Невского» (Лаптевский том. Л. 938 об.)⁴. Данное влияние можно связать и с общей тенденцией русской книжной миниатюры XVI в. к большей внешней выразительности (Попова 2003: 302), совпадающей с развитием многоплановости и многосюжетности в рамках одной иллюстрации, усложнением «прочтения» миниатюры. Недаром период XVI – и далее начала XVII в. называется временем наивысшего развития лицевых рукописей, расцвета книжной иллюстрации (Юферева 2013: 29).

Таким образом, рассмотрение истории древнерусского книжного искусства невозможно без учета его связей с искусством южнославянским. Связи эти традиционны и берут свои корни еще в период формирования русской книжной традиции в эпоху Кирилла и Мефодия, расцвет же их приходится на период конца XIV – начала XV в., когда многие представители богословской, художественной, литературной элиты через Карпатский регион, Дунай, южнославянские земли попадают на территорию Московской и Новгородской Руси. Деятели церкви, книжники с Балкан не только сами занимались творением и перепиской книг, но и приносили с собой на русскую почву либо привозили в качестве даров (Пятницкий 1995) произведения, которые меняли литературные традиции, создавали новые типы исторических повествований, новые течения в иконописи, книжной иллюстрации и книжном оформлении. Это тем более становится важно в период формирования идеологии Москвы как «Третьего Рима», последнего сохранившего верность православному вероучению свободного государства, в становлении собственного искусства которого находят отражение черты покоренных османами Византии и южнославянских стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И. Дуйчев безапелляционно принимает версию о происхождении Киприана и Григория из одного византийско-болгарского рода Цамблаков, основываясь на фразе из панегирика митрополиту Киприану, составленного Григорием около 1409 г.: «Брат быше нашему отцю» (Дуйчев 1998: 144–145).

2. Сам он остался в Студийском монастыре, приняв обет молчания, и деятельность его там иногда отождествляется с фигурой Афанасия Русина.

3. Отсылка дается по изданию: Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры Лицевого свода XVI века / Под ред. Д.С. Лихачева. Л.: Аврора, 1984.

4. Отсылка дается по изданию: Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI века. Л.: Аврора, 1990.

ЛИТЕРАТУРА

Spatharakis 1976 - *Spatharakis I. The Portrait in Byzantine illuminated manuscripts.* Leiden, 1976. 287 p.

Вздорнов 1980 - *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV в. М.: Искусство, 1980. 552 с.

Дуйчев - *Дуйчев И.С.* К изучению миниатюр Манассиевой летописи // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 272–280.

Дуйчев - *Дуйчев И.* Византия и Славянският свят. София, 1998. 416 с.

Житие 1990 - Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI века. Л.: Аврора, 1990. 86 с.

Лихачёв 1988 - *Лихачёв Д.С.* Введение // Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии. София, 1988. С. 5–10.

Майоров 2011 - *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. СПб., 2011. 800 с.

Морозов 1990 - *Морозов В.В.* От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду // Труды отдела Древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Л., 1990. Т. 44. С. 246–268.

Повесть 1984 - Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры Лицевого свода XVI века / Под ред. Д.С. Лихачёва. Л.: Аврора, 1984. 303 с.

Попов 1973 - *Попов Г.В.* Три памятника южнославянской живописи XIV в. и их русские копии середины XVI в. // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 352–364.

Попова 1972 - *Попова О.С.* Галицко-Волынские миниатюры раннего XIII века // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 283–317.

- Попова 2003 - *Попова О.С.* Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003. 334 с.
- Попова 1980 - *Попова О.С.* Искусство Новгорода и Москвы первой половины XIV в. М., 1980. 254 с.
- Прохоров 1988 - *Прохоров Г.М.* Афанасий Высоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 79–81.
- Пуцко 2014 - *Пуцко В.Г.* Византийский фактор в русской иконописи времен преподобного Сергия // Преподобный Сергий, «родом ростовец...». Ростов, 2014. С. 234–244.
- Пятницкий 1995 - *Пятницкий Ю.А.* Один из путей проникновения памятников балканского искусства в Россию // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 229–241.
- Салмина 1979 - *Салмина М.А.* Хроника Константина Манассии как источник Русского Хронографа // Труды отдела Древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Л., 1979. Т. 33. С. 279–287.
- Салмина 1988 - *Салмина М.А.* Хроника Константина Манассии на Руси // Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии. София, 1988. С. 59–64.
- Стерлигова 2000 - *Стерлигова И.А.* Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. М., 2000. 261 с.
- Татищев 1784 - *Татищев В.Н.* История Российская. СПб., 1784. Т. V. 545 с.
- Тихомиров 1957 - *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. 292 с.
- Шульгина 1974 - *Шульгина Э.В.* Балканский орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М.: Наука, 1974. Сб. 2. С. 240–264.
- Юферева - *Юферева Н.Э.* Древнерусский иллюстратор житий святых. Нетекстовая текстология. М., 2013. 350 с.

REFERENCES

- Spatharakis, I. (1976) *The Portrait in Byzantine illuminated manuscripts*. Leiden: E.J. Brill.
- Vzdornov, G.I. (1980) *Iskusstvo knigi v Drevney Rusi. Rukopisnaya kniga Severo-Vostochnoy Rusi XII – nachala XV v.* [Art of books in Old Russia. Manuscripts of the North-East Russia of the 12th – early 15th centuries]. Moscow: Iskusstvo.
- Duychev, I.S. (1973) К изучению миниатюр Манассиевой летописи [On the miniatures of the Manassia Chronicle]. In: Grashchenkov, V.N. (ed.) *Vizantiya. Yuzhnye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa* [Byzantium, Southern Slavs and Old Russia. Western Europe]. Moscow: Nauka. pp. 272–280.
- Duychev, I. (1998) *Vizantiya i Slavyanskiy svet* [Byzantium and Slavonic world]. Sofia: Anubis.
- Anon. (1990) *Zhitie Aleksandra Nevskogo. Tekst i miniatyury Litsevoego letopisnogo svoda XVI veka* [The life of Alexander Nevsky. Text and miniatures of the Illustrated Chronicle of the 16th century]. Leningrad: Avror.

Likhachev, D.S. (1988) Vvedenie [Introduction]. In: *Srednebolgarskiy perevod Khroniki Konstantina Manassii* [Middle Bulgarian translation of the Constantine Manassia Chronicle]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences. pp. 5-10.

Maiorov, A.V. (2011) *Rus'; Vizantiya i Zapadnaya Evropa* [Rus, Byzantium and Western Europe]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Morozov, V.V. (1990) Ot Nikonovskoy letopisi k Litsevomu letopisnomu svodu [From the Nikon Chronicle to the Illuminated Chronicles compilation]. *Trudy otdela Drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy dom) AN SSSR*. 44. pp. 246-268.

Likhachev, D.S. (ed.) (1984) *Povest' o Kulikovskoy bitve. Tekst i miniatyury Litsevogo svoda XVI veka* [The Tale of the Kulikov Battle. Text and miniatures of the Illustrated Chronicle of the 16th century]. Leningrad: Avrora.

Popov, G.V. (1973) Tri pamyatnika yuzhnoslavianskoy zhivopisi XIV v. i ikh russkie kopii serediny XVI v. [Three monuments of the southern Slavs painting of the 14th century and their Russian copies of the 16th century]. In: Grashchenkov, V.N. (ed.) *Vizantiya. Yuzhnye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa* [Byzantium, Southern Slavs and Old Russia. Western Europe]. Moscow: Nauka. pp. 352-364.

Popova, O.S. (1972) Galitsko-Volynskie miniatyury rannego XIII veka [Galician-Volhinian miniatures of the early 13th century]. In: Lazarev, V.N., Vagner, G.K., Il'in, M.A. & Podobedova, O.I. (eds) *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura domongol'skoy Rusi* [Old Russian art. Art of the Premongolian Rus]. Moscow: Nauka. pp. 283-317.

Popova, O.S. (2003) *Vizantiyskie i drevnerusskie miniatyury* [Byzantium and Old Russian miniatures]. Moscow: Indrik.

Popova, O.S. (1980) *Iskusstvo Novgoroda i Moskvy pervoy poloviny XIV v.* [The Art of Novgorod and Moscow of the early 14th century]. Moscow: Iskusstvo.

Prokhorov, G.M. (1988) Afanasiy Vysotskiy [Afanasiy Vysockiy]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Old Rus scribes' and booklore's vocabulary]. Vol. 2(1). Leningrad: Nauka. pp. 79-81.

Putsko, V.G. (2014) Vizantiyskiy faktor v russkoy ikonopisi vremen prepodobnogo Sergiya [The Byzantium factor in Russian icon painting of the times of Sergius]. In: Sazonov, S.V. (ed.) *Prepodobnyy Sergiy, "rodom rostovets..."* [Saint Sergius, "From Rostov..."]. Rostov. pp. 234-244.

Pyatnitskiy, Yu.A. (1995) Odin iz putey proniknoveniya pamyatnikov balkanskogo iskusstva v Rossiyu [One of the ways to transfer Balkan art monuments into Russia]. In: Komech, A.I. & Étingof, O.E. (eds) *Drevnerusskoe iskusstvo. Balkany. Rus'* [Old Russian art. Balkan. Rus']. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 229-241.

Salmina, M.A. (1979) Khronika Konstantina Manassii kak istochnik Russkogo Khronografa [Constantine Manassia's Chronicle as a source for Russian chronograph]. *Trudy otdela Drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy dom) AN SSSR*. 33. pp. 279-287.

Salmina, M.A. (1988) Khronika Konstantina Manassii na Rusi [Constantine Manassia's Chronicle in Russia]. In: *Srednebolgarskiy perevod Khroniki Konstantina Manassii* [Middle Bulgarian translation of the Constantine Manassia Chronicle].

Sofia: Bulgarian Academy of Sciences. pp. 59-64.

Sterligova, I.A. (2000) *Dragotsenny ubor drevnerusskikh ikon XI–XIV vekov* [Precious drapery of Old Russian icons of the 11th – 14th centuries]. Moscow: Progress-Traditsiya.

Tatishchev, V.N. (1784) *Istoriya Rossiyskaya* [History of Russia]. Vol. 5. St. Petersburg.

Tikhomirov, M.N. (1957) *Srednevekovaya Moskva v XIV–XV vv.* [Mediaeval Moscow in the 14th – 15th centuries]. Moscow: Moscow State University.

Shulgina, E.V. (1974) Balkanskiy ornament [The Balkan ornament]. In: Podobedova, O.I. & Popov, G.V. (eds) *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga* [Old Russian art. The handwritten book]. Moscow: Nauka. pp. 240-264.

Yufereva, N.E. (2013) *Drevnerusskiy illyustrator zhitiy svyatykh. Netekstovaya tekstologiya* [The Old Russian illustrator of Hagiographies. Non-textual textology]. Moscow: Orthodox St. Tikhon Humanitarian University.

Веселов Фёдор Никитович – аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, ассистент кафедры музеологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Veselov Fedor – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: veselovfedor@gmail.com